

ОТ КОНСПЕКТА К РАССКАЗУ

Далеко от Москвы, на самом краешке советской земли, на берегу Амура (на высоких берегах — уточняет память, лишняя раз подтверждая правоту поговорки о слове, которое из песни не выкинешь), живет и работает театр. Жизни и работе этой скоро минет век. А когда Амурский областной драматический театр собирался в столицу на первые свои в ней гастроли, его родной Благовещенск отмечал 125-ю годовщину со дня основания.

Держа в уме эти обстоятельства, попробуем взглянуть на гастрольную афишу дальневосточников как на заявку рассказа о себе, первого — подчеркнем — рассказа.

— Как водится при знакомстве, начинают с предков, с того, откуда род ведется. Хотя и далеко край наш, а все Россия, мы — люди русские и по речи, и по складу ума, духовно вскормлены русской классикой. И потому привезли в Москву «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского.

Мы — люди советские. Тема сотворения нового, социалистического общества, героика первых революционных лет волнует нас. Так появилась в нашем репертуаре инсценировка ранних рассказов М. Шолохова «Чужая кровь».

Мы хотим донести до москвичей дыхание Амурского края, биение его пульса, а оно определяется сегодня громадами строек — Зейской и Бурейской ГЭС, БАМа. Среди строителей и первопроходцев ищет театр прототипы своих героев. Здесь же, на строительстве магистрали, мы нашли и автора. В основу своего драматургического дебюта «Обход» журналист И. Шестаков положил реальный конфликт.

Мы живем на границе, слова «граница на замке» наполнены для нас смыслом отнюдь не отвлеченным. Написанную о событиях более чем сорокалетней давности пьесу Н. Погодина «Падь Серебряная» мы воспринимаем как современный документальный репортаж с пограничной заставы.

За Амуром — Китай, наш сосед. Соседям нужно лучше знать друг друга. Знание ведет к пониманию, а понимание исключает недоразумения и конфликты. Вот почему мы играем драму китайского драматурга Цао Юя «Тайфун».

Такая вот интересная и нестандартная заявка подана благовещенцами. Скажу сразу: исполнить свои намерения театру удалось не во всем. Наиболее же цельные его спектакли — «Падь Серебряная» и «Тайфун» — подтвердили простую истину, что в синтетическом искусстве театра равноценно важны все компоненты: добротность литературного материала и зрелость почерка постановщика, увлеченность темой и уровень актерской и общей сценической культуры. Отсутствие или недостаточная выявленность любой из составляющих незамедлительно сказывается на самочувствии спектакля, обедняя его, лишая глубины и объемности, живого человеческого содержания.

Казалось бы, какие претензии по части литературного исполнения могут быть к шолоховским «Донским рассказам»? «Чужая кровь» — просто маленький шедевр. Не столь, может быть, широко известны, но оттого не стали хуже новеллы «Смертный враг», «Двухмужняя», «Кривая степь», «Червоточина», «Председатель реввоенсовета республики». Но вот незадача: будучи соединенными В. Молько в единой инсценировке, каждая из новелл утратила свой особый строй, завязку и развязку, а пьеса в целом их не приобрела. Потому множество героев спектакля «Чужая кровь» (постановка В. Ростовцева), стесненные рамками сценического места и времени, толпятся, торопятся высказать каждый свою трагическую судьбу и, не успевая, опускают подробности, а в них-то и заключено, может быть, самое главное — искания мысли, переливы сердечного чувства. И нужно быть опытными мастерами, как А. Спасский и О. Высоцкая, чтобы, преодолев дробность эпизодов и не сбившись с эпической манеры, досказать до горестного для своих персонажей конца историю о том, как выходили старый казак Гаврила со своей старухой порубанного беляками красноармейца и полюбили этого рабочего паренька с Урала крепче родного сына Петрухи, сложившего голову за белое дело.

Весьма уязвима для критики пьеса И. Шестака «Обход». Конечно же, не суть ее производственной коллизии

вызывает возражения, тем более что уже известно: реальный жизненный конфликт решен в пользу новаторов. Но вот как развивается действие на глазах зрителей: начальник строительного управления Минаев вызывает к себе в кабинет одного за другим секретаря парткома, начальника строительно-монтажного поезда, главного инженера и так далее, и каждому живописует в деталях свою идею. Обойти 12 километров участка Байкало-Амурской магистрали, где по техническим причинам не смонтированы мосты, временной колеей, пустить по ней к станции конечного назначения движение, тем самым сэкономив более миллиона рублей, а к основной трассе вернуться позже, по мере ее готовности. Сколь бы плохо ни были подкованы в технике и экономике зрители, к приходу третьего посетителя они уже могли бы вместе с Минаевым излагать его предложения. Но тем не менее это предложение будет на все лады варьироваться и на собрании мостостроителей, и в телефонном разговоре с Москвой.

Театр много работал с автором, и как было не подсказать новичку в драматургии, что требуемая ему форма была уже обстоятельно разработана А. Гельманом в «Протоколе одного заседания», где все персонажи сразу были собраны вместе и каждый вступающий в разговор поворачивал известный, казалось бы, вопрос новой гранью.

Есть и еще один недостаток в пьесе, кстати, присущий многим произведениям дебютантов. Автор хочет сразу высказаться по всем поводам: производственный конфликт ухватил, но этого мало, не забыть осветить частную жизнь героев, да вот еще и нравственные проблемы на повестке дня, о них тоже надо слово молвить. И в результате немного обо всем и скороговорка там, где нужны подробности, — в итоге конспект вместо полноценного рассказа.

Театр (спектакль поставлен главным режиссером М. Богатыревой) искал и добавлял подробности, тем более что жизнь бамовскую знает не понаслышке: они и в сценарии Н. Стародуба (образ спектакля — дорога прорезает тайгу), и в бодром ритме песен о магистрали, а более всего — в узнаваемом облике выведенных на сцену молодых строителей.

И не оттого ли, что сегодняшний молодой человек занимает театр гораздо больше, нежели его живший в прошлом веке сверстник, столь современными повадками наделен Егор Глумов в исполнении Ю. Семенова, да и о Машеньке (О. Кандазис) отнюдь не скажешь, что она из благородных девиц. Такое впечатление, что оба исполнителя, вступая в спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», едва успели сменить бамовские штормовки, которые, кстати говоря, к лицу обрели, на бархатную куртку и длинное платье.

Островский дальневосточникам, даже актерам старшего поколения, явно не удался. Ни слово драматурга, требующее высокой речевой культуры, ни его психологизм (пожалуй, лишь одного Крутицкого актер А. Спасский и режиссер С. Казимировский наделили сквозной линией поведения, да и особую черту дать не запомнили: чего стоит одинокая игра генерала соло на пианино!), ни его быт не получились.

В связи с последним замечу, что театру надо всерьез обратить внимание на сценографию. Урезано сценическое пространство в спектакле по Островскому. Чтобы в двух картинах показать сад Турусиной протяженным в глубину, художнику Ю. Цветницкому пришлось эпизоды в домах Глумова, Мамаева, Крутицкого оформить однотипно — отделить драпировкой узкую полосу сцены да обозначить двумя-тремя предметами обстановку. Разве дом Мамаева с квартирой Глумова можно сравнивать? А сценограф сравнил, более того, сравнял. В шолоховском спектакле громоздкая вертящаяся конструкция с множеством ступеней (художник П. Егоров) не столько несет в себе образное начало, сколько мешает движению, заставляя актеров все время помнить о препятствиях на пути.

В суровом спектакле «Падь Серебряная», воспевая мужество, солируют два женских голоса. Мужчины, пограничники, ведут бой там, за сценой, а Софья Андреевна, жена одного из командиров, и его сестра Таня, новичек на заставе, — на виду у зрителей. Такая тревога в глазах

М. А. Шолохов. «Чужая кровь». Нюрка — О. КАНДАЗИС, Вася — Н. КУЗЬМИН.
Фото Н. КОКОШКИНА

юной прелестной девушки; как же это, только что пели, плясали, и вдруг выстрелы, кровь! Там, где жила Таня, трудно представить, что такое заставы.

В диалоге артисток А. Сижук и А. Чесноковой — пронзительность правды, сплетающиеся воедино мелодии нежности и стойкости, женственности и твердости духа.

В каком-то другом театре, возможно, пьеса Н. Погодина о пограничном конфликте на советско-японской границе могла быть разыграна в стиле ретро. В любом, но не в амурском. Здесь прочли «Падь Серебряную» как вещь в высшей степени современную, как пьесу-предупреждение тем, кто склонен забывать об уроках истории.

Уже в погодинском спектакле обратило на себя внимание умение актеров играть людей другой национальности — японцев. Удивительно, с каким мастерством передают в «Тайфуне» благовещенцы пластику, походку, жесты, а через них — внутренний мир своих героев — китайцев. Это и А. Спасский (глава дома Чжоу), и В. Матвеев (слуга Лу Гуй), и А. Харисова (Сы-Фын, дочь Лу Гуя, прислуга в доме Чжоу). А глядя на С. Герасимову в роли Фань, несчастной жены старого хозяина, вспоминаешь строку поэты: «На том конце замедленного жеста» — как будто об изысканной и изломанной пластике актрисы сказано.

Режиссер Н. Мокин поставил пьесу прогрессивного китайского автора как тончайшую психологическую драму, хотя текст давал возможность и для трактовки в духе жестокой мелодрамы. В запутанной семейной истории крупного промышленника Чжоу постановщик акцентирует мотивы социальные. Непроходимая пропасть разделяет любящих друг друга Пина, старшего сына Чжоу, и Сы-Фын не потому, что они оказываются родными братом и сестрой по матери, а потому, что в обществе неравенства невозможен брак господина со служанкой.

Под стать изящному почерку режиссера и сценическое оформление художника В. Попова — лаконичное, несущее в себе национальный колорит: деревянные лакированные ширмы, в центральном округлом проеме — цветущая вишня. Каждая деталь смысловосуща, и даже отсутствие деталей значимо. Так, затянутый черным верх сцены — словно сгущение тех самых туч, из которых прольется очистительный дождь, грянет гроза, которой жаждут уставшие души героев спектакля.

Критические замечания, высказанные в адрес театра, вызваны верой в творческие возможности коллектива. Будем надеяться, что в следующий свой приезд в Москву благовещенцы расскажут не только, кто они и откуда, но и какие они. И сделают это не тезисно, не конспективно, а в полную силу своего голоса.

Татьяна СЕРГЕЕВА